

Г.Э. Лессинг в круге чтения Л.Н. Толстого

Лапонина Людмила Валерьевна

студентка

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

luda@icenet.ru

Генезис произведения – проблема всегда труднорешаемая и спорная, так как у исследователя обычно слишком мало данных для тех или иных утверждений. Некоторую помощь в этом случае могут оказать сведения о круге чтения автора: то, какие книги были известны писателю, какие он считал авторитетными, а к каким относился полемически, находит определенное отражение и в художественных текстах.

Рассмотрим это на примере рецепции русским писателем и мыслителем XIX в. – Л.Н. Толстым – немецкого писателя и мыслителя века XVIII – Г.Э. Лессинга. Толстой обращался к Лессингу на протяжении всей своей жизни в самых разных жанрах: от дневника и записных книжек до «Крейцеровой сонаты» и «Круга чтения». Вместе с тем, никаких систематических исследований на эту тему, насколько нам известно, не проводилось, поэтому внимания заслуживает сама подборка всех высказываний Л.Н. Толстого о Лессинге, т.к. она весьма показательна.

Сочинения Лессинга известны в России с 1760-х гг. Ссылки на Лессинга-критика встречаются в статьях В.Г. Белинского «Речь о критике» (1842), Д.И. Писарева «Генрих Гейне» (1857) и др. Н.Г. Чернышевский посвятил немецкому просветителю свою работу «Лессинг, его время, его жизнь и деятельность», в которой называл его «отцом новой немецкой литературы» [Чернышевский 4: 9].

Несомненно, Толстой был хорошо знаком с теорией искусства Лессинга. Он отмечает в одной из своих записных книжек: «Десятки тысяч художников читают, работают и ни разу не справились, не говорю, с философскими теориями своего дела, даже с Лессингом. Ге пишет *прекрасно* картину гражданского Христа. А это одно, что не может быть сюжетом картины из всех гражданских событий. И это было бы ясно даже из Лаокоона Лессинга. <...> А они прочли кипы книг, но не попали на настоящую» [Толстой 48: 118].

Кроме того, можно указать на некоторую близость художественных принципов создания портрета Толстого к суждениям Лессинга в трактате «Лаокоон, или О границах живописи и поэзии» (1766). Характерна запись в дневнике 4 июля 1851: «Мне кажется, что *описать* человека собственно нельзя; но можно описать, как он на меня подействовал» [Там же 46: 67]. А.И. Белецкий противопоставляет частый у И.С. Тургенева «портрет паспортных примет» толстовскому портрету «с преобладающей чертой», или «с лейтмотивом», сближающий Толстого с импрессионистами [Белецкий: 161, 164–165]. К тому же обычно в его произведениях передана точка зрения персонажа, его восприятие (так, портрет Анны Карениной на балу отражает восприятие Вронского и Кити).

Лессинг интересовал Толстого и как художник; особенно он выделял драматическую поэму «Натан Мудрый». Так, в письме к В.Г. Черткову в январе 1887 Толстой сообщает о своем намерении издавать в «Посреднике» «все знаменитые сочинения» иностранных писателей, «которые выдержали много изданий и, главное, переводов», и в том числе называет Лессинга «Натан мудрый» [Толстой 49: 181].

В.Ф. Лазурский писал о Толстом в своем дневнике 14.02.1898: «За чаем он <...> говорил о том, что подбирает примеры из всемирной литературы для того, чтобы указать образцы истинного, по его мнению, искусства: 1) проникнутого христианским чувством, 2) объединяющего людей. Нашел и может указать лишь несколько произведений В. Гюго, Диккенса, Достоевского, Шиллера. О «Натане Мудром» Лессинга еще подумает, перечитает» [Толстой 54: 413]. Вероятно, интерес Толстого именно к этой пьесе объясняется близкой ему идеей веротерпимости, критикой православной церковной догматики. На том же основании он выделял позднее роман Поленца «Деревенский священник», «Суратскую кофейню» Б. де Сен-Пьера.

Когда Толстой обращается к басне, он наследует традиции именно Лессинга, разрабатывая вслед за ним прозаический вариант жанра. Есть сходство и между лаконичным изображением басенного сюжета у обоих писателей.

Толстого привлекали многие афористические суждения Лессинга. Неоднократно он цитирует эпиграмму «Злая жена». Оригинальный текст звучит так: «Ein einzig böses Weib lebt höchstens in der Welt. Nur schlimm, dass jeder seins für dieses einz'ge halt» («Одна единственная злая женщина существует на свете, но, к сожалению, каждый считает свою жену такой единственной женщиной»). Эпиграмму эту Толстой приводил в разных по жанру произведениях. В конце 1880-х гг. он включил ее в одну из первых редакций «Крейцеровой сонаты» в рассказ Позднышева: «Я решил себе, что она не человек, что такое выпало мне несчастье жениться на животном в образе человеческого, и что же делать, надо было нести. (Я не знал тогда изречения Лессинга, который говорит, что суждение каждого мужа о своей жене такое: была одна скверная женщина в мире, и она – то и моя жена)» [Толстой 27: 385]. Эпиграмма стала эпиграфом к одной из первых редакций «Крейцеровой сонаты». И сам Толстой трижды вспоминает ее в своих дневниках [Там же 52: 103; 54: 14, 105].

В «Круге чтения» Толстой приводит свыше двадцати высказываний Лессинга, в частности: «Первое и самое древнее мнение в отвлеченных вещах – всегда самое вероятное, потому что здравый человеческий ум тотчас же напал на него. Таково существование всемирного начала – Бога» [Там же 41: 103]. «До тех пор, пока я не увижу того, чтобы соблюдалось важнейшее правило Христа – любовь к врагам, – до тех пор я не перестану сомневаться в том, чтобы выдающие себя за христиан были ими» [Там же 41: 273]. «Религия не потому истина, что ее проповедовали святые люди, а святые люди проповедовали ее потому, что она истина» [Там же 41: 579]. См. также: [Там же 41: 33, 42, 69, 106, 327, 357; 42: 58, 295, 544, 549; 43: 4, 20, 42, 252, 332].

Толстой неоднократно цитирует Лессинга в своей публицистике 1890–1900-х гг. Так, он приводит его слова в статье «Для чего люди одурманиваются?» (1890): «Физический труд представляется мучительным в начале его; еще более мучительным представляется труд умственный. Как говорит Лессинг, люди имеют свойство переставать думать тогда, когда думанье начинает представлять трудности, и именно тогда, прибавлю я, когда думанье начинает быть плодотворным» [Там же 27: 282]. О внимании к этой мысли Лессинга говорит и дневниковая запись от 10 мая 1890 [Там же 51: 41].

Показательна ссылка на немецкого мыслителя в «Предисловии» к роману В. фон-Поленца «Крестьянин»: «В Германии, отечестве Шиллера, Гете, Лессинга, восхваляют Гауптмана за его *Ганнеле* и *Потонувший колокол*» [Там же 86: 14]. Здесь Лессинг, упомянутый вне связи с непосредственной тематикой статьи, оказывается неким эталоном, сравнение с которым не выдерживает последующая литература.

Таким образом, Лессинг – один из авторитетных авторов для Л.Н. Толстого. Реконструкция творческого диалога русского классика с Лессингом углубляет понимание ряда суждений Толстого и некоторых сторон его творчества.

Литература

Белецкий А.И. Избранные труды по теории литературы. М., 1964. С. 161, 164–165.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. Юбилейное издание. М.; Л., 1928–1964.